

УДК 94(470)"17"(045)

*Е.М. Буряк***«МИЛОСТИВАЯ РУСЬ». ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ XVIII ВЕКА**

Рассматривается процесс организации общественного призрения в России XVIII в. Автор использует ретроспективный метод исследования, уделяя внимание предыстории создания основных институтов социального призрения. В процессе исследования обращается внимание на такие направления благотворительности, как организация различных видов богоугодных заведений, работных домов, домов сумасшедших, сиротских домов, школ и аптек от момента законодательного оформления данной формы до постепенной передачи части функций призрения в ведение общественных институтов. Для лучшего понимания проблемы представлен анализ нормативно-правовых документов, регулировавших поддержку государства бездомным, больным, сиротам и калекам. Отдельное значение, по мнению автора, имеет опыт оказания помощи уязвимым категориям населения, поскольку подходы, использовавшиеся в данных организациях, представляют интерес для современного периода становления широкой общественной помощи, благотворительности и волонтерства. Более того, практика использования благотворительной добровольной помощи со стороны высших сословий в XVIII в. тоже может быть воспринята и использована сегодня относительно состоятельными людьми.

Ключевые слова: призрение, нищенство, законодательство, государственная политика, история развития медицины.

Социальная политика России в своем становлении и развитии определялась не потребностями государства в сильной нации, а, скорее, традиционным для русского менталитета желанием помочь неимущим. Изучением вопроса о создании системы призрения исследователи были озадачены ещё в XIX в., и тогда же возникла необходимость определить основные понятия: что считать социальной политикой; что определять как государственную социальную помощь и частную благотворительность со стороны господствующих сословий [4-6; 9-12; 15; 19; 22; 27; 30; 35]; что включает в себя понятие «призрение» и какую роль в нём играет благотворительность. Следующий этап, весьма сложный для исследователей данного вопроса, относится к периоду 1917 – начала 1990-х гг. Речь в основном шла о вопросах развития социальной политики. Понятие «благотворительность» практически не рассматривалось [19]. Третий этап в изучении вопроса об общественном призрении и благотворительности относится к началу 1990-х гг. И снова возникла дискуссия об определении понятий «социальная политика» и «общественное призрение» [3; 14; 21; 25; 38-40; 42]. Современный этап характеризуется разными направлениями: категориальный аппарат, соотношение свободы и принуждения в благотворительности, направления общественного призрения, законодательное оформление призрения, а также роль социальной политики в процессе формирования гражданского общества [13; 20; 24; 28; 31-34; 36-39; 41]. Из новейших работ наиболее интересными нам представляются монографии А. Р. Соколова [31-33] и Г. Н. Ульяновой [39]. Безусловно, историографическая картина гораздо сложнее представленной нами и заслуживает отдельного внимания, так как вопросы истории призрения и благотворительности в России обширны и не утратили своей актуальности.

Полагаем необходимым разграничить два понятия: «общественное призрение» и «благотворительность». Анализируя существующую риторику относительно их разделения, мы принимаем следующие трактовки. Согласимся с определением Г. Н. Ульяновой: «Термин “благотворительность” (или “филантропия”) применим к области общественной активности, связанной с передачей физическими и юридическими лицами (но только не субъектами государства) денежных и материальных ресурсов в помощь нуждающимся» [37. С. 17]. Добавим, что «благотворительность» в целом делится на государственную и частную. Говоря о «призрении», из многих определений этого термина мы предпочитаем данное А. Р. Соколовым: термин «призрение» необходимо подразделять на общественное и государственное: «В XVIII в. призрением именовались все формы социальной помощи. Говорить об “общественном призрении” можно в отношении заведений закрытого типа, финансируемых за счёт различных местных обществ и самоуправлений, а о “государственном призрении” в отношении заведений, финансируемых из казны или за счёт обязательных платежей» [34].

В нашей статье мы используем понятие «призрение», так как для истории России XVIII в. этот термин, на наш взгляд, более предпочтителен в связи с тем, что именно законодательное оформление

подразумевает, прежде всего, государственную поддержку нуждающихся. Объектом статьи являются государственно-административные меры для организации общественного призрения в России XVIII в. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа законодательных актов проследить развитие системы общественного призрения в XVIII в.

XVIII век для Российской империи характеризовался началом законодательного оформления общественного призрения на уровне верховной власти, которое распространялось на конкретные категории нуждающихся. Именно в рассматриваемый период были заложены основные направления социальной помощи неимущим и определены благотворители в лице государства, церкви, частных жертвователей.

Пётр I сосредоточил призрение в руках государства, оставив церкви некоторые полномочия и возложив на духовников новые обязанности. Известное отношение Петра I к духовенству не означало отрицания деятельности монастырей в сфере благотворительности, но обязанностью церкви стало её финансовое обеспечение. В 1701 г. с упразднением Петром I Патриаршего разряда был восстановлен Монастырский приказ. Монастыри лишались своих земель и доходов, перейдя на государственное содержание. С учреждением Святейшего Правительствующего Синода 14 февраля 1721 г. церковь стала подчиняться императору и Сенату, а, следовательно, организация богаделен теперь находилась под прямым контролем государства, но в ведении церкви. Монастырский приказ в 1724 г. был переименован в Камер-контору Синодального правительства, тоже, таким образом, потеряв независимость от монарха. Церковь оставалась исполнителем воли царя и одним из основных субъектов социального призрения первой четверти XVIII в. Основная же роль отводилась теперь государству.

Увеличение количества нищих в петровское время сопровождалось ростом большего числа их категорий. Вследствие постоянных войн, которые вела Россия в первой четверти XVIII в., появилось огромное количество покалеченных солдат, нижних военных чинов, оказавшихся без всякого обеспечения по возрасту. К 1710 г. относятся первые указы, в которых речь шла о раненых и увечных офицерах и их годности для дальнейшей службы. К примеру, калек предписано было отправлять в богадельни, а годных – на обучение новых рекрутов. В указе от 22 марта 1716 г. Пётр I постановил увечным и дряхлым военным «давать некоторое жалование, по рассмотрению, для их пропитания по их смерти» [1. Т. V. № 3003]. В 1717 г. новым указом полагалось жалование бедным штаб- и обер-офицерам. По закону от 31 января 1724 г. отставные нетрудоспособные солдаты и нищие распределялись на освободившиеся места в монастыри, были организованы госпитали, а монахи ухаживали за больными. Конечно, до военных пенсий было ещё очень далеко, но государство обратило внимание на военных ветеранов.

Впервые социальную поддержку и защиту получили незаконнорождённые дети, которые раньше подвергались всяческому порицанию общества и часто просто не имели шанса выжить. В 1706 г. под Новгородом состоялось открытие первого в России приюта для «засорных», то есть незаконнорождённых детей. На содержание этого дома император выделил средства нескольких монастырей. Позднее в городах учреждаются госпитали для незаконнорождённых, а затем и общие сиротские дома. За умерщвление незаконнорождённых закон предполагал смертную казнь, и, как следствие, количество таких младенцев возрастало. Например, в одной Московской губернской канцелярии их насчитывалось 865 чел. в возрасте до 8 лет, на содержание которых полагалось 4731 руб. [41. С. 61].

Женские монастыри должны были «принимать всех сирот обоего пола, подкидышей, которых воспитывать мужеского до 7 лет, а потом оправлять в школы, а женского обучать грамоте, следующих мастерств: пряжи, шитья, плетенья кружев» [1. Т. VII. № 4450]. После чего мальчикам определить отдельное жильё и отправить их дальше в училища. Однако план Петра I осуществлен не был. По указу от 23 октября 1723 г., беспризорных детей до 10 лет разрешено было отдавать «в вечное владение». Более того, дети тогда записывались в подушный сбор за новой семьёй. Те, кто оставался без попечения, жили в богадельнях, а с 10 лет становились матросами на флоте [1. Т. VII. № 4335].

Регламентом Главного Магистрата от 16 января 1721 г., создавшим Приказы общественного призрения, были более чётко определены основные направления социальной политики Российской империи, которые оставались актуальными вплоть до событий 1917 г.: образовательное, воспитательное, пенитенциарное, медицинское, призрение инвалидов и престарелых.

Также определялись и все категории нуждающихся. Для бродяг, нищих, здоровых, ленивых, гуляк, нежелающих работать – создать смиренные дома (цухтгаузы), и отправлять на работы, для собственного содержания, и прядильные дома – для таких же женщин. Для заботы и призрения убогих,

больных и увечных, престарелых создать госпитали, которые должны были находиться на земском содержании. В регламенте Пётр I высказывал желание в дальнейшем открыть подобные госпитали, выстроенные из камня, не только в крупных, но и в остальных городах, подобно тому, как эта система функционировала за границей. Причём финансировались эти учреждения не только за счёт местных властей, но и за счёт пожертвований населения. Отдельно шла речь о детях, оставшихся без попечения родителей, которые должны были содержаться в специальных сиротских домах [1. Т. VI. № 3708].

Однако большая часть прописанных в регламенте мер оставалась пока только в проекте, прежде всего из-за того, что большая часть денег в государстве шла на содержание армии и флота.

В Регламенте Пётр I указал церкви на то, что духовники должны чётко определять истинно нуждающихся в помощи и – туеядцев. Ещё указом от 21 января 1712 г. профессиональные нищие, способные о себе позаботиться, были объявлены вне закона и подвергались наказаниям [1. Т. IV. № 2470].

Следующим шагом Петра I в борьбе с подобным видом нищенства явился запрет подавать милостыню: «а буде которые люди станут таким нищим милостину подавать, призвав сей Его Великого Государя Именной Указ, и их присмотря, по тому же приводить в Монастырский приказ и иметь на них штрафу, первой по пяти, другой по десяти рублей» [1. Т. VI. № 3676]. Меры против таких нищих были ужесточены новым указом в 1718 г., по которому праздно шатающихся нужно «бить нещадно батожем» [1. Т. V. № 3213], а тех, кто готов был предоставить им жильё, с 1722 г. стали облагать штрафами. Несмотря на то, что в обществе эти действия осуждались, Пётр I решил в 1724 г. провести Всероссийскую перепись нищих [1. Т. V. № 3013]. Реализация этой идеи была прервана лишь скорой смертью Петра через несколько месяцев. На наш взгляд, такое пристальное внимание монарха к профессиональным нищим объясняется лишь тем, что Пётр I понимал всю тщетность подобных жертвований людям, которые сделали нищенство своей работой.

При организации общественного призрения власти столкнулись с проблемой нехватки финансирования. Основные указы, которые регламентировали вопросы денежного обеспечения призрения, можно разделить на несколько групп. Первая относится к церковным средствам: о деньгах, собираемых с вечноных грамот; о порядке продажи восковых свечей; о содержании госпиталей за счёт поступлений с зарплат служилых людей (кроме солдат); о средствах, получаемых от рукоделия монахинь; о подаяниях во время церковных служб [6. С. 112]. Отдельно был введён штраф с раскольников, который тоже шёл на обеспечение призрения [1. Т. VI. № 3962]. Отдельной статьёй были личные пожертвования Петра I на создание благотворительных учреждений в Москве, Петербурге и Казани. И третья статья – пожертвования отдельных лиц по завещанию. Однако подобные случаи были скорее прецедентами в отсутствие широкой практики использования частных денег и законодательной регламентации.

После смерти Петра I в эпоху дворцовых переворотов общественное призрение развивалось по уже заданным направлениям и не подверглось кардинальным изменениям.

Екатерина I подписала указы о переводе всех стариц в монастыри с целью запрета просить милостыню на улицах (декабрь 1725 г.) и о домах для незаконнорождённых (март 1726 г.).

Взошедший на престол юный Пётр II не был отмечен законодательной инициативой в социальной сфере, что оправдывалось хотя бы его юным возрастом.

Правление Анны Иоанновны определяется выполнением уже существовавших законов. Но в то же время в указе от 21 июля 1730 г. императрица обращает внимание на то, что в богадельнях содержатся совсем не калеки, сироты и немощные старики, а профессиональные нищие и туеядцы, которые пользуются благами благотворительности. Сенату было дано распоряжение навести в приютах порядок, а годных отправить в рекруты, что в законодательстве было прописано впервые [1. Т. VIII. № 5594]. Позже, указом от 28 августа 1736 г. – пойманных полицией бывших беглых крестьян среди нищих предписывалось отправлять в рекруты и матросы или даже на каторгу в случае имевшихся провинностей.

Запланированную Петром I перепись нищих и бродяг императрица осуществила в Москве в 1730 г., после распределив всех по мануфактурам и богадельням, запретив последним выходить за милостыней.

Анна Иоанновна издала указ об увеличении количества богоугодных заведений ввиду того, что существующих уже не хватало (19 мая 1733 г.). Более того, был ужесточён отбор нищих в богадельни, списки которых для утверждения теперь обязательно проходили через Сенат. Ещё больше внимания в указах было уделено сохранению средств и использованию их организациями призрения по на-

значению. Единственное послабление, официально отмеченное указом от 31 марта 1734 г., – призревшим нуждающихся не выгонять их в холодное время до 1 мая, чтобы уменьшить их страдания от холода и отсутствия сезонной работы. В результате такого разрешения появились новые нищие, которые пользовались доверчивостью простого населения. Бродяги выдавали себя за святых, выманивая деньги у сочувствующих им.

Анна Иоанновна продолжил антиклерикальную политику Петра I приказом расстригать молодых монахов и отдавать их в солдаты. Таким образом, в монастырях оставались только престарелые монахи, которые были не в состоянии на соответствующем уровне поддерживать богоугодные заведения при монастырях, и их управление оказывалось в ведении чиновников [17]. В целом, императрица повторила указы Петра I, кардинально не изменив существующие принципы социального призрения.

Елизавета Петровна, обнаружив плачевное состояние богоугодных заведений, приложила усилия для восстановления призрения на основе принципов, установленных Петром I, [6. С. 128]. Ею было издано несколько указов, увеличивающих число богаделен в России, в том числе для жён и дочерей обедневших чиновников. Елизавету Петровну интересовал вопрос о финансировании богоугодных заведений и о хронической нехватке средств. Иллюстрацией является указ от 26 октября 1744 г., в котором приводится финансовый расчёт: богадельни в год получают 30144 руб. 35 коп. В расчёте 1 коп. на человека в день богадельни в состоянии содержать 3061 чел. в год, в то время как на тот момент там уже было 5372 чел. [1. Т. XII. № 9053]. В этом же указе отдельное внимание уделяется вопросу о сокращении числа нищих через пристальное к ним внимание насчет их физической состоятельности зарабатывать на пропитание самостоятельно. Таким образом, вопрос нехватки средств решался не новыми источниками финансирования, а путем сокращения числа нищих.

Поток попрошайек в Петербург постоянно увеличивался, и Елизавета Петровна так же, как и её предшественники, запретила въезд в город обедневших крестьян. Одновременно было уделено внимание искалеченным. Для них построили отдельные богадельни, чтобы убрать их с городских улиц. Петербурга это распоряжение коснулось по указу от 13 апреля 1758 г., а провинциальных городов – от 13 января 1760 г.

На всём протяжении своего правления Елизавета Петровна уделяла внимание обер-офицерским чинам и их жёнам, то есть заслуженным людям, оказавшимся в трудном положении. На их содержание полагалось 4 коп. в день, причём выдавались они вперёд на неделю (указы от 10 июня 1742 г., 24 января 1761 г., 17 июня 1761 г.). Средств не хватало, как мы видели, даже для основных богоугодных заведений, поэтому для данной категории деньги выделяла сама императрица из своих средств, что, впрочем, проблему не решило.

Анализируя политику императрицы, можно увидеть её стремление сократить количество нищих, при этом новых источников дохода система призрения не получила. Более того, в 1757 г. Елизавета Петровна запретила получать церкви доход с вотчин, сократив и без того ограниченные средства для содержания богаделен при монастырях.

Император Пётр III указом от 20 апреля 1762 г. решил создать отдельные заведения для умалишённых. А также, ввиду определённых событий, связанных с борьбой за престол, повторил указ Петра I о содержании отставных солдат и офицеров за счёт монастырского приказа.

Постоянно сменявшие друг друга в эпоху дворцовых переворотов монархи только поддерживали законы и принципы, созданные Петром I, а также пытались сдержать поток нищих, зачисляя их в число трудоспособного населения. При этом количество богаделен в стране увеличивалось, но средства для их содержания оставались прежними.

Ситуация изменилась с приходом к власти Екатерины II. В её правление призрение получило целостное государственное и финансовое оформление. Всю деятельность императрицы в этом смысле можно условно разделить на два периода: 1762–1775 и 1775–1796 гг.

Первый период частично повторял законодательство о призрении, созданное в начале XVIII в. Например, ряд указов о нищих 1762, 1763, 1771 и 1772 г. заключал в себе положения об отправлении истинных нищих в богоугодные заведения после полицейской проверки, об отправке профессиональных нищих в рекруты и на мануфактуры, о призрении отставных офицеров и незаконнорождённых, о санитарных правилах для недопущения эпидемий. Резюмировал все эти положения указ от 12 августа 1775 г., в котором речь шла также и о создании работных домов, в которых «содержать мужеско пола ленивцев, употребляя оных для пиления дикаго камня на казенные и партикулярные строения за надлежащую плату, также и в другая работы по рассмотрению», а для женщин – прядильного дома при Андреевском монастыре [1. Т. XX. № 14357].

В первый период для уничтожения нищенства Екатериной II был издан ряд указов, которые дополняли друг друга. С 1766 г. слабоумные попадали в Главную полицию. С июля 1770 г. за экономической деятельностью богаделен в губерниях стали наблюдать Экономические правления. Постепенно функции социального призрения передавались местным органам власти. Указом от 15 марта 1764 г. прекратилось призрение при монастырях отставных военных, для которых богадельни должны были построить отдельно и независимо, как раньше, от церкви [1. Т. XVI. № 11778].

Первые богадельни для гражданского населения стали строиться по указу Екатерины II от 24 февраля 1765 г. «О содержании в Санкт-Петербурге и в Москве особых богаделен для людей обоего пола, престарелых и увечных». На содержание каждого человека в год положено было по 7 руб. 50 коп. в Санкт-Петербурге и по 6 руб. в Москве. В таких домах полагалось содержать 1500 чел. в год «престарелых, кои находятся в неизлечимых болезнях, никакого ни откуда пропитания иметь не могут» [1. Т. XVI. № 12334]. Это был первый указ, в котором речь шла о гражданах, не относящихся ни к увечным или престарелым солдатам, ни к сиротам или инвалидам.

В 1763 г. было положено начало воспитательным домам для того, чтобы «бедных, но неповинных младенцев уберечь от пагубы, а немилосердных убийц от смертного избавить греха, и таких людей обществу полезными сделать» [1. Т. XVI. 11908]. По проекту И. И. Бецкого был основан Благотворительный дом для незаконнорожденных детей, который находился под покровительством императрицы и впоследствии стал одним из важнейших элементов общей системы социального обеспечения. И. И. Бецкой занимался его сохранением до глубокой старости. В первый год существования из принятых туда 523 младенцев умерло 424 вследствие отсутствия достаточного количества кормилиц и опыта содержания подобных заведений. Регистровали младенцев лишь тогда, когда было понятно, что малыш выживет. Впоследствии детей присылали туда из многих частей империи. Следом был открыт Воспитательный дом в Москве по образцу И. И. Бецкого. Эти дома содержались за счёт карточной монополии, кружечных сборов, пожертвований благотворителей, продажи лотереи и целого ряда собираемых в империи налогов, а также благодаря «доброхотным подаяниям». Самым известным благотворителем Московского дома был П. А. Демидов, который, кроме строительства корпусов для Дома, пожертвовал около 200 тыс. руб. [6. С. 149]. Особенную роль Московский дом сыграл в процессе оспопрививания: именно там начали проводить одни из первых массовых вакцинаций.

В 1764 г. был учреждён Воспитательный дом для благородных девиц, рассчитанный на 200 чел. В том же году учреждены богадельни в архиерейских домах Санкт-Петербурга и Москвы.

Сама императрица жаловала на развитие призрения большие суммы. Так, в 1767 г., отказавшись от памятника, деньги на который собрали дворяне, и, добавив к собранной сумме в 52 тыс. руб. ещё 150 тыс. руб., она пожертвовала их на развитие богаделен, училищ, больниц и сиротских домов. Церковь окончательно была подчинена государству указом Екатерины II от 6 июня 1763 г. «О секуляризации церковных и монастырских земель», согласно которому управление всей церковной собственностью переходило в ведение вновь созданной Коллегии экономии [1. Т. XXI. 15711].

Однако принятые меры не меняли общую картину в стране, где нищенство было источником заработка. Причин этому было множество, в том числе – несовершенство социального обеспечения.

Новой вехой в становлении системы призрения явилось «Учреждение для управления губерний» от 7 ноября 1775 г., которое, помимо организации системы местного управления, определило общую структуру социальной защиты населения.

Основным органом уездного губернского управления был определён нижний земский суд во главе с капитаном-исправником, который в числе своих обязанностей также следил за санитарным состоянием уездов. Дворянская опека, состоявшая из уездного предводителя дворянства, уездного судьи и заседателей, ставила своей задачей «попечение не токмо о оставших после дворянских родителей малолетних сиротах и их имении, но и о вдовах и их делах». Был создан специальный сиротский суд, состоявший из городского головы, двух членов городского магистрата и городского старосты. Задачей суда являлись попечение и забота «о вдовах и осиротевших малолетних всякого звания» [2], а также установление опеки над купеческими и мещанскими несовершеннолетними сиротами, вдовами и их имуществом.

Одна из самых объёмных глав – это двадцать пятая, о создании Приказа общественного призрения. Приказы создавались в каждой губернии для надзора попечительства за народными школами, сиротскими домами; для призрения и воспитания сирот обоего пола без попечения родителей; для увеличения числа госпиталей и больниц, богаделен для мужчин и женщин; для создания особых домов (неизлечимо больных, домов сумасшедших, работных и смиренных домов). Каждому приказу

выделялось по 15 тыс. руб. ежегодно из доходов каждой губернии. И отдельно подчеркивалось, что деньги должны использоваться только по целевому назначению [2]. Приказу разрешалось отдавать положенные им средства под проценты, дабы увеличить их количество.

Народные школы создавались в каждом городе и больших сёлах, подсудных верхней расправе для всех желающих обучиться грамоте. Причём неимущие имели право учиться бесплатно. В народных школах обучали грамоте, рисованию, письму, арифметике, катехизису. В школах должны были следить за чистотой, уроки длились не более двух часов подряд, запрещалось применять телесные наказания к ученикам. Также следовало смотреть за тем, как работают учителя, и заменять неугодных новыми в случае необходимости.

Сиротские дома для призрения и воспитания сирот обоего пола получили возможность отдавать «на руки надежным, добродетельным людям за умеренную плату для содержания и воспитания сирот» [2].

Госпитали теперь создавались не в самих городах, а около, причём по течению реки – ниже, а больные с заразными болезнями должны были содержаться отдельно от остальных. Это свидетельствовало о том, что государство впервые стало целенаправленно избавляться от причин, вызывавших смертельные эпидемии. Богадельни для нищих приказано было не только содержать, но и при необходимости – создавать новые, или расширять количество мест, в них имеющихся. Они должны были обеспечить кров нуждающимся, однако в указе прописан был особенный пункт относительно молодых людей, которых не должно было быть, так как они посылаются или в школы, или в обучение ремёслам, или в работные дома для того, чтобы «не допустить, чтобы с молодости в праздности жили и к праздности привыкали» [2]. Кроме того, людей кормили и одевали, чтобы «к общему стыду и соблазну не были принуждены испросить оных вне установленных для них мест» [2]. Приказу предписывалось следить и за тем, чтобы в богадельнях не было разврата и пьянства.

Отношение к сумасшедшим значительно изменилось с тех пор, когда Пётр I искренне считал, что любую «дурь» [8. С. 330], как называл монарх душевные болезни, можно выбить палками. Дома сумасшедших, согласно указу 1775 г., должны были быть устроены не только в просторных помещениях, но также и крепких, сбежать из которых было бы сложно. Надзиратели таких домов должны подбираться из отставных солдат. Им надлежало не только заботиться о больных, но и следить за тем, чтобы они не смогли причинить себе и другим вреда. Таким образом, душевнобольных стали распределять в зависимости от агрессии, проявляемой в ходе болезни, и возможной опасности окружающим. Содержание в домах было бесплатным для неимущих, для остальных – за годовую плату вперёд.

Пенитенциарная система получила развитие в создании смиренных домов для мужчин и для женщин, обвиняемых в следующих «продерзости»: непослушных детей своим родителям; проматывающих и пропивающих своё состояние ленивых и гуляк; «непотребных рабов», которых никто не берет на работу; не желающих работать; гулящих женщин.

Принимать же в такие дома предписывалось по инициативе губернского правления, судов или по прошению родителей, родственников или хозяина. Никто не имел права вести в этих домах праздную жизнь. Так, нежелающие работать отправлялись на работы, строптивые бились прутьями (не больше трёх ударов) или сажались в карцер на хлеб и воду [2]. Смирительные дома должны были быть большими по площади, с крепкими стенами и забором, чтобы невозможны были побеги. Охрану осуществлял специальный караул и надзорные из отставных солдат. Содержание домов возлагалось на губернии и на родственников, способных оплатить пребывание в них своих близких. Однако порядок отправления в смирительные дома не был как следует определён, что вызывало несогласованность в управлении такими учреждениями и неразбериху в том, какие категории граждан должны были попадать в подобные учреждения. Любопытный эпизод Петербургского смирительного дома, зафиксированный 5 августа 1870 г., характеризует сложившееся положение: «Нижний Надворный Суд препроводил в Приказ для безсрочного заключения в Смирительном доме взятую в пьянстве и без паспорта солдатку Васильеву, которая показала, что она паспорт утерала, а подлинную личность её удостоверил её свойственник, медицинской коллегии копиист Завалюнин». Далее началась переписка между Приказом и Нижним надворным судом о правомерности приёма Васильевой, так как непонятно было, к какой категории она относилась [4. С. 454].

Организацией приказов общественного призрения 1775 г. было положено начало общественной медицине. Одним из важнейших направлений приказов было учреждение больниц. Целью приказов являлось также распространение среди населения практики пользования профессиональной медицинской помощью, а не только принятой испокон веков знахарской. Согласно «Примерному положе-

нию для учреждения больниц», строительство последних на 20–30 мест должно было осуществляться в каждой губернии в зависимости от того, какими средствами она располагает. В положении прописывалось, как и в каком месте должны быть построены здания больниц, как должны содержаться, в каком санитарном состоянии, какой штат должен быть в каждой больнице и какие функции есть у каждого работника. Отдельно подробному описанию подверглись правила пребывания больного, в которых учитывалось даже количество смен постельного белья. Немногочисленные больницы, существовавшие в России до Учреждения 1775 г., теперь стали подчиняться именно Приказам общественного призрения и существовать именно за их счёт, а также – дополнительных средств, выделяемых из казны для ремонта и расширения.

На создание Приказов общественного призрения правительство Екатерины II потратило 330 тыс. руб. [31. С. 150]. Приказам разрешено было искать самостоятельно и дополнительные источники доходов: банковские операции, частные пожертвования, самостоятельная хозяйственная деятельность. Пожертвования, полученные Приказами в последней четверти XVIII в. не только покрыли все расходы на социальное призрение, но и составили доход в 1 млн. руб. [31. С. 150].

Создание Приказа общественного призрения после 1775 г. дополнялось рядом законов. Например, в 1781 г. опубликован указ о создании рабочих домов, который был практически осуществлён только в XIX в. Кроме того, при Екатерине II были созданы дома призрения для бедных в Гатчине, богадельни для подопечных Воспитательного дома, повивальный институт с родильным отделением для бедных женщин.

Безусловно, меры, принятые Екатериной II, не решали всех социальных проблем, однако роль её в законодательной организации призрения очевидна. Согласимся с П. И. Лыкошиным, который приводит слова А. Стога, директора Хозяйственного департамента, в качестве оценки деятельности императрицы: «Великая Екатерина предписала об общественном призрении такие способы, которые без всякого затруднения были приведены в действие, отлично способствовали к устройству и распространению сей части и которые в главном их существе не изменились доньше, да едва ли впредь могут подлежать изменению» [6. С. 177].

Непродолжительное правление Павла I в деле благотворительности известно знаковым указом от 2 мая 1797 г. о создании Ведомства императрицы Марии Фёдоровны, которое изначально занималось развитием женского образования. Впоследствии, уже в XIX в., ведомство охватывало широкий круг направлений социальной помощи и стало определённым символом благотворительности в Российской империи.

Таким образом, в XVIII в. были заложены основные направления социального обеспечения населения: борьба с профессиональным нищенством, помощь населению во время голода, защита увечных и больных, уменьшение детского инфантизма (узаконенного убийства ребёнка), борьба с различными девиациями, развитие образования, медицины, борьба со смертельными эпидемиями, и др. Российская империя в XVIII в. беспрестанно боролась с нищенством, не искореняя причину его появления, но постоянно пытаясь уменьшить существующую армию попрошайек. Указы зачастую повторяли друг друга, что было вызвано несовершенством законодательной системы, а также тем, что проблемы нищенства, несмотря на предпринятые меры, не решались, но усугублялись. Финансовыми источниками обеспечения призрения являлось государство (Канцелярия, Главный магистрат), местные органы власти (губернии и магистраты), монастыри, а со второй половины XVIII в. – ещё и благотворительные пожертвования представителей высших слоёв общества. Если в начале XVIII в. средства для социальной помощи нуждающимся были сосредоточены в руках церкви, то к концу столетия расходные статьи контролировало государство. Возросла роль частной благотворительности, получившей широкое распространение в XIX в. Два значительных правления XVIII в. – Петра I и Екатерины II – законодательно установили роль всех участников призрения, а также способы финансирования. Были заложены юридические основы социального обеспечения в Российской империи, которые позволили создать определённую систему общественного призрения в XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830.
2. Учреждения для управления губерний Российской империи. М., 1775. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/>.
3. Абросимова Е. А. Законодательство о благотворительных организациях: российская история и зарубежный опыт // Закон. 2003. № 10. С. 77–85.

4. Андреевский И. Е. О первых шагах деятельности С.-Петербургского приказа общественного призрения. (На основании архивных документов). Читано на торжественном акте археологического института 14-го мая 1889 г. // Русская старина. 1889. Т. 63. № 8. С. 447-456. URL: http://memoirs.ru/texts/Andreevsk_RS89T63.htm
5. Ануфриев К. И. Нищенство и борьба с ним. Материалы для подготовительной комиссии для разработки вопроса по реорганизации борьбы с нищенством в С.-Петербурге. СПб., 1913.
6. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. Т. 1. Ч. 1, 2.
7. Брокгауз Ф. А., Евфрон И. А. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991.
8. Бушуев В. С. История государства Российского: историко-библиографические очерки. Кн. вторая. XVII–XVIII вв. М., 1994.
9. Вертеловский А. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901.
10. Георгиевский П. Н. Призрение бедных и благотворительность. М., 1894.
11. Герье В. И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и теоретических началах правильной его постановки. СПб., 1897.
12. Горбунов А. В. Борьба с нищенством и бродяжничеством. М., 1909.
13. Горнов В. А. Из истории развития общественного призрения в российской социальной мысли второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. Рязан. гос. ун-та. 2008. № 20. С. 31-54.
14. Горчева А. Ю. Нищенство и благотворительность в России. М., 1999.
15. Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897.
16. Дриль Д. А. Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. СПб., 1898.
17. Дуплий Е. В. Становление и развитие приказов общественного призрения в России (1775–1864): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/stanovlenie-i-razvitie-prikazov-obwestvennogo-prizrenija-v-rossii.html>
18. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
19. Измайлов А. Е. Рассуждение о нищих, каким образом можно у нас в России уменьшить великое число оных и доставить всем прочим безнуждное пропитание без всякого иждивения от казны. СПб., 1804.
20. Калинина Г. К., Козлова Е. В. Из истории становления системы общественного призрения в России в XVIII в. // Казанская наука. 2013. № 6. С. 14-16.
21. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиция и модернизация. М., 1998.
22. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. Пг., 1917.
23. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн.3. М., 1993.
24. Козлова Н. В. Нетрудоспособное население Москвы и его социальное обеспечение в XVIII в. // Вестн. МГУ. Сер. 8: История. 2004. № 4. С. 30-42.
25. Кононова Т. Б. Особенности развития благотворительности в России. М., 2002.
26. Линдермайер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874 гг. М., 1992.
27. Максимов Е. Д. Практическая и законодательная постановка мер общественного призрения // Русское богатство. 1896. № 10. С. 19-50.
28. Павлова И. П. Организационные и правовые основы социального попечения в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2003.
29. Победоносцев К. П. Организация общественного призрения в России. СПб., 1898.
30. Прыжов И. Г. Нищие на святой Руси. Материалы для истории собственного и народного быта в России. М., 1862.
31. Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX вв. (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 147-158.
32. Соколов А. Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании. Дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений. СПб., 2005.
33. Соколов А. Р. Российская благотворительность. Исторические исследования. СПб., 2005.
34. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/blagotvoritelnost-v-rossii-kak-mehanizm-vzaimodeystviya-obschestva-i-gosudarstva>
35. Стог А. Об общественном призрении в России в 2 ч. СПб., 1818.
36. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи XIX – начала XX века. М., 2005.
37. Ульянова Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17-32.
38. Ульянова Г. Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 405-426.
39. Ульянова Г. Н. Специальная периодика по благотворительности в России (1870–1907) // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992.

40. *Фирсов М. В.* История социальной работы в России. М., 1999.
41. *Хитров А. А.* Опыт организованной благотворительности в России: Ведомство учреждений Императрицы Марии (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2: История. 2008. Вып. 2. С. 61-67.
42. *Чернецов Н. В.* Генезис и эволюция социального призрения в России (X–XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Поступила в редакцию 12.04.2016

Е.М. Buryak

**“GRACIOUS RUSSIA”. LEGISLATIVE REGISTRATION OF PUBLIC CHARITY
WITHIN RUSSIA’S SOCIAL POLICY IN THE 18TH CENTURY**

The process of public charity organization in Russia in the XVIIIth century is considered. The author uses a retrospective research method, pays attention to the prehistory of establishment of new public social assistance institutions. The author draws attention to charity activities such as organization of medical aid, establishment of charity institutions, workhouses, insane asylums, orphanages, schools and drugstores, from the moment of legalization of these activities to gradual lessening of state’s control and gradual transfer of some part of social assistance to public institutions. The analysis of legal documents, which regulated the state’s support for homeless, sufferers, orphans and cripples is given for a better understanding of the problem. In the author’s opinion, the experience of providing necessary support for vulnerable population is of special importance, because the approaches that were used in the above-mentioned public institutions are still of interest in the period of formation of broad public assistance, charity and volunteering. Moreover, the practice of voluntary donations from the highest class of the XVIIIth century can also be used by well-off people nowadays.

Keywords: charity, Russia, begging, public policy, history of medicine development, charity institutions.

Буряк Елена Михайловна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38
E-mail: lench81@inbox.ru

Buryak E.M.,
Candidate of History, Associate Professor
of the Department of Russian History

Nosov Magnitogorsk State Technical University
Lenina st., 38, Magnitogorsk, Russia, 455000
E-mail: lench81@inbox.ru